

Виктор Робертович Лебедев
Рожденные ползать
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272298

Виктор Лебедев. Метро 2033. Рожденные ползать: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086347-1

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Вот уже 20 лет минуло со дня Великой Катастрофы. За это время выросло целое поколение москвичей, для которых туннельный сумрак милее солнечного света, а бетонные своды над головой – роднее и понятнее небесной выси. Той выси, которая, казалось бы, потеряна для человечества навсегда. Но кто сказал, что рожденные ползать не могут летать? Особенно когда смутная, недостижимая мечта о небе внезапно обретает возможность воплощения...

Содержание

Пятьдесят, как один	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктор Лебедев

Метро 2033. Рожденные ползать

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

© Д.А. Глуховский, 2014

© В.Р. Лебедев, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пятьдесят, как один Докладная записка Вячеслава Бакулина

Здравствуйте, дорогие читатели! В кои-то веки я ничуть не задумывался над темой своей докладной записки. В кои-то веки я хочу говорить не о вечных человеческих проблемах и даже не об особенностях книги Виктора Лебедева (надеюсь, он меня простит). Сегодня хочу просто оглянуться, а заодно напомнить вам, как это было. Итак, Hall of Glory «Вселенной».

№ 1. **«Путевые знаки»**. К книге Владимира Березина можно относиться по-разному. Это совершенно не важно. Она была первой. С нее начался проект.

№ 2. **«Темные туннели»**. Сергей Антонов – не только самый плодовитый на сей день творец «Вселенной». Он первый, кто написал о «том самом метро Глуховского». После этой книги стало окончательно ясно даже завзятым скептикам: серии – быть!

№ 3. **«Питер»**. Тут можно просто написать: «Убер. Батончики». Сколько лет прошло, а читатели не только в России, но и за рубежом, затаив дыхание, ждут от Шимуна Врочека продолжения. И я тоже.

№ 4. **«К свету»**. С этой книги началось триумфальное восхождение Андрея Дьякова. Самый яркий дебют. «Золотой дубль» Лучшей Книги Вселенной. А может, и хет-трик, кто знает?

№ 6. **«Мраморный рай»**. Роман, который показал, что «Метро» – это не только и не столько «крутые сталкеры тра-та-та». А Сергей Кузнецов, «Глас Вселенной», дал путевку в жизнь целой плеяде будущих авторов проекта.

№ 7. **«Странник»**. Явление «городу и миру» Сурена Цормудяна, великого и ужасного. Ныне – вполне успешного творца собственных миров. Но начинал он здесь. В этих туннелях.

№ 8. **«Север»**. Метро без метро – это возможно? «Да», – уверенно ответил Андрей Буторин. Именно с этого момента можно говорить о мире, не зажатом в бетонные тубинги. О Вселенной.

№ 10. **«Война кротов»**. Благодаря Александру Шакилову и его роману проект перешагнул границы России.

№ 11. **«Муранча»**. Это слово – синоним страха. Руслан Мельников и его хоррор, раздвигающие границы серии.

№ 15. **«Станция-призрак»**. Анна Калинкина, Первая Леди Вселенной. Человек, доказавший на своем примере, что женщина действительно ни в чем не уступит мужчинам.

№ 18. **«Британия»**. Грант Макмастер. Первый зарубежный автор, прибавивший к титулам проекта «ВМ-33» слово «международный».

№ 21. **«Последнее убежище»**. И первый сборник в рамках «Вселенной». Первый, но не последний.

№ 29. **«Изнанка мира»**. Тимофей Калашников – 4,75 авторов, включая автора эпиграфов и затылок вашего покорного слуги. И монолитный, яркий, запоминающийся текст.

№ 31. **«Свидетель»**. Ирина Баранова и Константин Бенев пополняют серию первым полноценным детективом.

№ 50. **«Рожденные ползать»**. Порядковый номер роман Виктора Лебедева говорит сам за себя. Путешествие продолжается.

А какую строчку сможете вписать в этот перечень вы?

Пролог

Ветер гонял по мостовой опавшие кленовые листья, поглаживал буйную поросль травы, пробивавшуюся сквозь растрескавшийся асфальт, облизывал заржавевшие остовы автомобилей, хлопал чудом уцелевшей оконной рамой в доме – или в том, что от него осталось. Он носился, словно стайка детворы во дворе после школы – беззаботно и неутомленно, то стихая, то усиливаясь, постанывая в гордом одиночестве в мире, который уже начал забывать уверенную поступь человека. Тем удивительнее была следующая картина: напротив дома с хлопающей рамой стоял мужчина. Его одежда выглядела причудливо для зараженной поверхности, где минутное пребывание без средств защиты от радиации было смертельно опасным. Незнакомец держал в руке потертую фотографию, взгляд его был обращен в небо, а с его уст, словно едва заметный шорох, слетали слова. Кому предназначались они в этом пустом мире, оставалось загадкой.

– Прощу... спаси и сохрани его... прошу тебя...

Незнакомец был одет в потрепанный костюм неопределенного цвета с прорехами и заплатками, лицо закрывали треснувшие солнечные очки – глаза уже давно отвыкли от дневного света.

Что он забыл здесь, посреди погоста, бывшего некогда оживленным городом с бесчисленными пробками и толпами прохожих? Вряд ли нашелся бы ответ у случайного путника, увидевшего эту картину. Да и в нынешнее время путники лишь изредка решались выходить на поверхность, при этом вооруженные до зубов и в спецодежде, ведь мир больше не принадлежал человеку. Однако незнакомец не обращал внимания на окружающую его действительность, как будто для него ее не существовало. Со стороны могло показаться, что он – иллюзия, обман воображения. Или иллюзия – окружающий его мир.

Внезапно человек пошевелился. Огромная овальная тень накрыла его на мгновение и побежала дальше по покрытому трещинами асфальту, бетонным коробкам домов и заброшенным скверам, причудливо изгибаясь в неровностях местности. Уголки губ человека дрогнули, казалось, он слегка улыбнулся, словно этого и ждал. Рассекая небо, над его головой величественно проплыла вытянутая махина, серебряной стрелой скользнула по воздуху, взяв курс на юг. Это был дирижабль. И неровным почерком, заваливающимися буквами на его корпусе было выведено одно-единственное слово – «Надежда». Именно она сейчас вела сердца людей, находящихся на борту корабля, в далекие дали, именно она руководила горсткой выживших, вглядывающихся в заново открываемые земли за горизонтом, именно она теплилась в душе одинокого мужчины, провожающего взглядом дирижабль, гордо развернувшийся в небе. Человек снова становился первооткрывателем, пытался вернуть себе свой мир. Человек пытался собрать воедино тех, кто смог выжить на поверхности или под землей, покрытой язвами и ранами от его рук. И с губ мужчины, стоявшего на пустынной улице, слетело:

– Господь с вами.

Слова незнакомца подхватил ветер и понес по улице, заглядывая в пустые глазницы оконных проемов, поднимая в воздух полуистлевшие обрывки газет и тряпья, кружа их в вихре и снова отпуская...

На мостовой напротив дома, столь родного в той, прежней, теперь такой далекой жизни, стоял человек. В руке он держал потрепанную фотографию, на которой застыла счастливая и умиротворенная картина из прошлого – мужчина со спины и мило улыбающаяся женщина вполоборота. По щекам незнакомца бежали слезы.

Глава 1

Небо

Миша лежал на спине, широко раскинув руки и ноги, на его лице сияла улыбка. Он уже и не помнил, зачем он здесь, о своей миссии, о друзьях и знакомых тут, недалеко, под землей, не помнил о Кольке и Игоре Владимировиче. Забыл он и об опасностях, окружающих его со всех сторон и принуждающих Homo Sapiens, властвовавшего тысячи лет над миром и разрушившего этот самый мир, возводимый руками многих поколений, теперь прятаться под землей, зарывшись, словно крот, огородившись бетонными стенами и конструкциями, давно уже ставшими для людей новым Ноевым Ковчегом. Миша не замечал ни шорохов, которые становились все настойчивее, ни приклада автомата, врезающегося ему в бок, ни пугающей черноты справа – массы сплетенных деревьев и растений, живших собственной жизнью и будто почуявших появление странника, чужака, а оттого зашевелившихся в бурном порыве, постанывающих и словно тянущих к нему свои руки и щупальца-ветки. А может, это просто ветер шевелил причудливые сплетения лиан и ветвей, но, тем не менее, любой благоразумный путник, случайно оказавшийся рядом, счел бы за лучшее убраться подальше отсюда, чтобы не испытывать судьбу, и так не особо жаловавшую человеческий род последние несколько десятилетий. Поговаривали, что здесь, на месте бывшего Царицынского парка, обитают невиданные монстры и мутанты, встреча с которыми не сулит ничего хорошего.

В пяти метрах от Миши возвышался полуразрушенный павильон станции Орехово с искрошившимися ступенями и полуобвалившимися стенами, обросшими травой и мхом. Ему стоило немалых усилий протиснуться между двумя огромными обломками, загородившими выход из метро – видимо, часть крыши обвалилась во время Катаклизма или вследствие запустения, воцарившегося в окружающем мире. В тот момент, когда Миша выбрался на поверхность, им овладела неведомая слабость, мир наверху, за пределами его станции, оказался огромен, необъятен. Он навалился на Мишу всем весом, сбил его с ног и швырнул на землю. Стало невыносимо трудно дышать, и парень сорвал респиратор, забыв о радиоактивной пыли, вдыхая полной грудью прохладный ночной отравляющий воздух.

И вот тогда Миша увидел. Это было самое потрясающее зрелище в его еще не очень продолжительной жизни. Небо искрилось сотнями, тысячами маленьких точек всюду, насколько хватало глаз. Миша так и остался лежать, не в силах подняться, рассматривая огромный небосвод с мутной луной и яркими звездами. Ему вспомнились слова из книги, которые ранее он не мог понять, поскольку не представлял себе, что такое ночное небо:

*Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.¹*

Его жизнь с опасностями, постоянно подстерегающими на поверхности, в боковых ответвлениях туннелей и лишь немного отступающими в темноту при свете костров, уже не казалась ему такой безысходной. Все тревоги и проблемы ушли на второй план, позволив сказочному видению овладеть сознанием Миши, унести его в неведомые дали. Это было то самое небо, которое воспевали поэты прошлого мира, где хватало времени вдоволь насла-

¹ Ф. И. Тютчев. «Как океан объемлет шар земной...»

диться окружающей нас Вселенной, мира, где не надо было с тревогой вглядываться во мрак туннелей, а оказавшись на поверхности – с опасением изучать темноту улиц и переулков, прежде чем сделать еще один шаг на пути в неизвестность.

Состояние Миши можно было бы назвать нирваной, но вряд ли он понимал значение этого слова. Как не понимали его и стервятники парка Царицыно, учуявшие запах легкой добычи – тут и там в черноте разросшегося от радиации леса вспыхивали красные огоньки глаз и урчание становилось все громче. Мишу спас случай – крылатая тень с легким шуршанием пронеслась невысоко над ним, на мгновение закрыв своим телом сияние мириад звезд и желтый круг луны. Но этого мгновения хватило, чтобы морок на некоторое время отступил, и Миша очнулся. Сознание прояснилось, и он вспомнил, зачем выбрался на поверхность, и даже успел заметить краем глаза справа от себя чудовищное создание Царицынского парка. И в этот момент тварь прыгнула.

* * *

Миша хорошо помнил свою маму. Помнил ее улыбку и грустные глаза, как она гладила его волосы и шептала слова колыбельной, когда он, маленький пятилетний мальчик, пытался заснуть на дырявом стареньком одеяле в палатке из двух скрепленных кое-как покрывал, среди таких же убогих палаток на платформе станции Орехово. Но сон все никак не приходил. Здесь всегда было темно, костры находились в отдалении от жилья тех немногих людей, что были на станции, в полном соответствии с условиями пожарной безопасности. В перегонах и туннелях дозорные и немногочисленные блокпосты также жгли костры, поскольку это был единственный источник освещения на бедной станции.

Невдалеке кто-то, видимо, дозорный в туннеле, негромко выводил диковинные и непонятные для Миши слова песни про бескрайнее поле, темную ночь и одинокого мужчину, шагавшего с конем.

А Миша пытался представить, кто такой конь и как это – бескрайнее, ведь у всего, что он знал в жизни, были границы, края – туннели и станция были ограничены стенами и потолком, а ничего другого мальчик в своей жизни еще не видел. Мише думалось, что конь – это такое странное человеческое имя, будто два друга вышли прогуляться в широкий-широкий туннель, так что нельзя увидеть стен (но они обязательно где-то там есть) ночью. Вот еще одно странное слово для пятилетнего мальчика, родившегося под землей, – ночь. Он слышал от взрослых людей, что там, откуда они пришли, были день и ночь. Днем было светло, а ночью темно. «Наверное, – думал Миша, – люди днем разжигали огромные костры, которые освещали все вокруг, а ночью их тушили».

Дозорный грустно продолжал напевать дальше про то, что он сел на коня верхом и мчится по полю под сияющими звездами навстречу своей судьбе.

Они с мальчишками на станции тоже так делали – запрыгивали друг другу на спины и пытались столкнуть других; побеждал тот, кто дольше продержится, не упав со спины. Вот и тот человек, который сейчас напевает песню, тоже так делал. Может быть, это песня из его детства.

А мама все шептала слова колыбельной, тихо-тихо, склонившись над ухом Миши, а ее пальцы перебирали волосы мальчика. И сон, сначала несмело, как бы извиняясь, подкрадывался, заставляя забыть пусть ненадолго, на время, о страхе дозорного перед чернотой и неизвестностью туннеля, который он пытался победить песней из своего прошлого, о затхлых туннельных сквозняках.

Мише снилось удивительное создание, может быть, это была высшая форма жизни. Высокое, четвероногое существо с гордо поднятой головой, развевающимся хвостом и мускулистым телом несло по огромному туннелю, стены и потолок которого невозможно

было разглядеть – настолько высоким и широким он был. А на нем сидел мальчик, который обнимал животное двумя руками и звонко смеялся, когда волосы, растущие на шее у странного создания, щекотали ему лицо. Неожиданно мальчик обернулся, сверкнули голубые глаза, и Миша с удивлением узнал в нем самого себя. Словно какая-то истина вдруг на миг приотворила дверь, Миша только начал что-то понимать, но тут же мальчик ткнул пятками в бока животному, и они понеслись вперед так быстро, что очень скоро превратились в маленькую точку вдаль, а дверь захлопнулась перед самым носом Миши. Истина где-то рядом. А на влажной земле остались полукруглые следы, уходящие далеко вперед...

* * *

В новом мире, где жил Миша, не было места для книг. Они на станции Орехово никому не были нужны. Они не представляли никакой ценности для суровых, бледных обитателей богом забытой станции Замоскворецкой линии. Разве что кое-какая техническая литература могла понадобиться, да и то большинство приведенных в ней сведений было бесполезным, поскольку у человека в метро имелся минимум инструментов и материалов, чтобы создать какой-то сложный механизм в помощь людям. Да еще медицинская литература могла как-то помочь. В остальном же книги, а особенно художественные, воспринимались здесь, в темных, практически лишенных света подземельях, как нечто абсолютно лишнее, неуместное.

Поэтому Миша прятал от всех два томика стихотворений Тютчева и Пастернака, опасаясь, что их пустят на растопку. Эти две изрядно потертые книжки с замусоленными страницами были единственным, что осталось в память о Мишиной маме. Ему казалось, что они еще хранят тепло ее рук, и когда Миша брал книги, к горлу подкатывал ком, а в груди становилось больно. Мама в прошлой жизни была учительницей русского языка и литературы, школа находилась недалеко от станции Орехово, поэтому по сигналу тревоги она вместе с другими учителями и учениками спустилась в метро, ставшее неожиданно для всех, кто оказался на станции, вторым домом. От внешних опасностей защищали надежные гермозатворы, закрывшиеся спустя несколько минут после сигнала тревоги, отрезавшие тех, кто успел спуститься в метро, от их прежней жизни, от маленьких радостей и горестей, от солнечного света и проливного дождя, от друзей и близких. У кого-то остались на поверхности дети и внуки, у кого-то родители или друзья. Паника и истерия овладели станцией в первые дни после Катаклизма, и едва удавалось останавливать попытки уцелевших открыть гермовороты изнутри и выбраться на поверхность. По разным причинам население станции за непродолжительное время сократилось до нескольких десятков человек, влачивших жалкое существование. Станция была неглубокого залегания, располагалась у самой поверхности, поэтому многие люди умерли в первые годы от лучевой болезни.

Миша родился здесь, в метро. Его мама была на третьем месяце беременности, когда спустилась вниз. Мальчик рос бледным и болезненным, его кожа не знала, что такое солнечный свет, и на белом лице поразительно ярко выделялись голубые глаза. Но шли годы, а молодой организм упорно цеплялся за жизнь, в то время как население станции быстро редело. Жители Орехово научились выращивать грибы и овощи в туннельных тупиках и ответвлениях, а на Домодедовской даже выращивали свиней. Как они туда попали, никто уже толком и не помнил. Нечастые вылазки на поверхность обеспечивали станцию дровами для костров, которые служили источником света.

Мама часто рассказывала Мише о папе. Он был врачом и работал не очень далеко от метро на Ореховом бульваре. Но после сигнала тревоги, изменившего жизнь людей до неузнаваемости, он не успел добраться до заветного входа либо остался со своими пациентами, верный врачебному долгу. Во всяком случае, мама не нашла его на соседних станциях – ни на Красногвардейской, ни на Домодедовской, ни на Алма-Атинской. С тех пор забота

о малыше стала единственным смыслом ее жизни в сумраке станции, лишь немного рассеивающемся при свете костров.

Мама всегда носила с собой фотокарточку, с которой смотрела на Мишу счастливая картинка прошлой жизни – высокий и худощавый мужчина обнимал за талию белокурую девушку с румянцем на щеках. Лица отца видно не было, он стоял спиной к фотографу, а вот мама застыла вполборота и радостно улыбалась. Снимок сделали на фоне их дома, под табличкой: Шипиловский проезд, д. 41, а над дверью белой краской было выведено – подъезд 1. Счастливая молодая семейная пара из другого мира, чуждого и вместе с тем очень родного для маленького мальчика...

Мама пропала, когда Мише было семь лет. Поисковый отряд обнаружил только ее косынку у одного из входов в боковое ответвление, которое оказалось тупиком. Дозорные со станции Домодедовская уверяли, что мимо них никто не проходил, и бесплодные поиски, продолжавшиеся два дня, пришлось прекратить.

* * *

Заботу о Мише взял на себя Игорь Владимирович, сухонький седой старик лет семидесяти. Мальчик, рано оставшийся без родителей, остро нуждался в ком-то, кто сможет нарушить его одиночество, а старик, чьи дети не успели спуститься в метро и навсегда остались на поверхности, видел в Мише своего так и не родившегося внука. Игорь Владимирович рассказывал мальчику, что до Катаклизма он работал дежурным по эскалатору. Эс-ка-латор. Мальчик как завороченный повторял за ним это слово, оно казалось ему таинственным, мистическим, словно неведомое заклинание, и его обязательно нужно было произносить шепотом.

Игорь Владимирович был в метро, на работе, нес свою вахту, огромные шестеренки приводили в движение ступени, люди спускались вниз и поднимались вверх, и был обычный день, ничем не примечательный, в череде таких же рабочих дней... когда откуда-то сверху, тягуче и протяжно донесся вой сирены, спустя несколько минут навсегда изменивший жизнь людей. Игоря Владимировича, пытавшегося предотвратить давку, образовавшуюся от хлынувшей вниз по эскалаторам толпы людей, успокоить беснующийся поток, подхватила и вынесла на платформу человеческая лавина. С тех пор старика часто мучили головные боли, а в ушах стояли крики и мольбы людей, оставшихся с той стороны гермоворот, отрезанных от спасительного убежища. И еще долго раздавались глухие стуки в створки металлоконструкций, постепенно становясь все реже и реже, пока снаружи не наступила тишина...

Игорь Владимирович рассказывал Мише о метро: о несущихся по туннелям сквозь толщу земли поездах с освещенными вагонами, полными людей, читающих, разговаривающих друг с другом, слушающих музыку или просто дремлющих; о станциях – Новослободской с изящными витражами из цветного стекла и подвесными люстрами, Маяковской с рифлеными колоннами и мозаичными панно, на которых изображено небо, о Площади Революции с бронзовыми фигурами в нишах арок и многих других; о том, как строили подземку. Затаив дыхание, мальчик слушал, впитывал каждое слово своего наставника, пытаясь представить себе бесчисленные туннели и снующих по ним механических монстров с маленькими людьми в их утробе.

– Ты только представь, Миша, все величие и мощь этого сооружения, – голос Игоря Владимировича становился то тише, то громче, видимо, от волнения, – ведь это настоящий подземный комплекс, словно римские катакомбы, в которых собирались первые христиане, чтобы создать цивилизацию, пришедшую на смену античному миру!

Миша не представлял, на что похожи римские катакомбы. Про древние империи, среди которых были Римская и Византийская, он знал из рассказов старика и ветхого учебника по истории древнего мира, который был у Нины Ивановны, работавшей на ферме. Неужели уже в то время, время холодного оружия и античного искусства, человек строил метро?

– Знаешь, мальчик мой, – голос старика становился печальным, – по иронии судьбы московские катакомбы, соединенные туннелями, украшенные мрамором и гранитом, сталью и витражами, бронзовыми скульптурами и плиткой, теперь тоже стали колыбелью новой цивилизации, нового общества, строительство которого началось здесь, под землей.

* * *

Станция Орехово залегала на небольшой глубине, до поверхности – рукой подать, всего-то десяток-другой метров. Два ряда измазанных колонн, похожих на корни растений, упирались в потолок земляного цвета, между ними ютились палатки, в которых жили люди.

Путевые стены, некогда облицованные белым и серым мрамором, сейчас изрядно почернели от копоти факелов и местами потрескались. В центре потолка находился ряд углублений, похожих на купола, в которых когда-то располагались светильники. Сейчас эти темнеющие провалы угрожающе нависали над обитателями, будто грозя проглотить зазевавшихся.

Вдоль стен висели факелы, неравномерно освещая станцию, дозорные на южных блок-постах жгли костры. Северные туннели защищать не требовалось – они были перекрыты гермоворотами в связи с затоплением станции Царицыно из-за прорыва грунтовых вод. Да и в южных туннелях дозорные стояли больше для виду – дальше находилась дружественная станция Домодедовская.

В первые годы на станции работал резервный дизель-генератор, обеспечивая жителей необходимой электроэнергией, но со временем он порядком поизносился и пришел в негодность, а запчастей не было. Частично выручали соседи-домодедовцы, но одного генератора на две станции, естественно, не хватало. Водопровод, слава богу, работал пока исправно – и душевые, и санузлы были в порядке. Водоотливные и канализационные насосные установки, пусть и с перебоями, но пока тоже функционировали. За вентиляционными шахтами и фильтрами по очистке воздуха на станции внимательно следили, очищали от мусора и грязи, насколько это было возможно.

За станцией были расположены туннели, заканчивающиеся тупиками. Раньше они использовались для технического обслуживания и ночной стоянки поездов, теперь там при слабом свете лампочек выращивали грибы и картофель. Картошка вырастала мелкая – видимо, из-за не лучших условий и не слишком хорошего грунта – но урожай был обильный. На Орехово гордились тем, что сохранили хоть что-то от прежней жизни. Картошку меняли на свинину с Домодедовской. Так и жили.

* * *

Миша с Игорем Владимировичем шли по пустынному городу, огромному мегаполису, в котором когда-то бурлила жизнь, сутились прохожие, спешили по своим делам и на работу служащие, прогуливались парочки, сигналили в километровых пробках автомобили. Теперь город был мертв. Под ногами похрустывали осколки битого стекла, щебень. Сквозь трещины в асфальте проросла буйная растительность, разрушенные здания по сторонам дороги потрескались и были увиты плющом, стекла были выбиты, рамы местами прогнили и вывалились. Многочисленными глазницами пустых выщербленных окон взирал город на двух путников, осторожно пробирающихся по улице. Тут и там ржавели каркасы автомобилей,

брошенных людьми в спешке и в страхе, в надежде укрыться от смертельной радиации. «Интересно получается, – подумал Миша, – те, у кого не было собственного автомобиля и кто ехал на метро – спаслись, а имеющие достаточно денег и времени, чтобы позволить себе собственное средство передвижения, за редким исключением встретили свою смерть здесь, на поверхности».

– Что это за место? – спросил Миша у Игоря Владимировича. Парень уже и не помнил, как они очутились здесь и почему они не в костюмах химзащиты и респираторах?! Дышать было на удивление легко и приятно.

– А ты не узнаешь, Миша? – старик внимательно посмотрел на парня. – Это кладбище, огромное кладбище. Вся Земля стала кладбищем для человечества. Мы сами лишили себя всего того, над чем упорно трудились тысячелетиями; то, что было создано руками человека, ими же погублено. Человек – самый страшный зверь.

Игорь Владимирович шел уверенно, распрямив плечи, словно и не было за этими плечами семидесяти с лишним лет. «А под землей ходит ссутулившийся и на палку опирается, – подумалось Мише. – Неужели так стены и потолок давят?»

– Игорь Владимирович, вот вы говорите – кладбище, а вдруг тем, кто выжил в метро, удастся построить новое общество, лучше, чем раньше, а со временем и выйти на поверхность? Вы же сами мне рассказывали, помните, когда я был маленьким?

Игорь Владимирович горько взглянул на Мишу.

– Тем, кто выжил?! Миша, ты разве не видишь? Никто не выжил в этом мире, нет у человечества будущего, потому что его больше нет!

– Но мы с вами? Те, кто в метро?..

Старик махнул рукой.

– Это не метро, Миша, это чистилище. Люди на самом деле пытались укрыться в метро, некоторым это даже удалось. Но прожили они недолго. Где-то, еще в первые минуты Катаклизма, не сработали гермозатворы, где-то обрушились своды туннелей, впуская в катакомбы губительный отравляющий воздух. Ну а те, кто смог спастись на некоторых станциях, умерли от голода и болезней. Не приучен человек жить в замкнутом пространстве, без свободы над головой.

Игорь Владимирович посмотрел на небо. Затянутое серыми низкими тяжелыми тучами, оно грозило обрушиться на путников, чужаков в городе-призраке, среди таких же городов на огромной карте мира.

– Но мы-то?! – Миша схватил себя за руки, ощупал лицо, – мы ведь здесь, мы есть, существуем!

Игорь Владимирович улыбнулся, и от этой улыбки стало нехорошо. Да это скорее была и не улыбка, а какой-то оскал, обнаживший длинный ряд мелких острых зубов. Миша с ужасом смотрел, как за спиной у Игоря Владимировича расправляются крылья, широкие, с прожилками сосудов, огромные. Тело старика уже было не человеческим – серое, гладкое, стройное, с развитыми мышцами и когтистыми лапами вместо ног; голова твари была вытянутой, а на морде злобно сверкали маленькие красные глазки.

– Хватит витать в облаках, – голосом Игоря Владимировича прошипела тварь, взметнув в воздух пыль и мусор улицы, сделав пару взмахов огромными крыльями и набирая высоту, – Миша, проснись!

* * *

– Проснись! – голос Кольки свистящим шепотом прорезал воздух палатки, где спал Миша. – Пора идти.

Миша резко сел, потер глаза и помотал головой, отгоняя дурной сон. Он даже не заметил, как заснул, а ведь всего лишь прилег на десять минут, чтобы успокоить выскакивающее из груди сердце и дрожащие руки.

- Ты в порядке? – с сомнением посмотрел на друга Колька. – Может, лучше не стоит?
- Принес то, о чем просил? – вместо ответа задал вопрос Миша.
- Принес, только, если узнают, мне влетит. Сам понимаешь.
- Не узнают, я быстро. Туда и обратно.
- Ну-ну, – хмыкнул Колька. – Может, я все-таки с тобой?
- Не надо.

Остатки сна улетучились. Миша быстро натянул костюм химзащиты так, как им показывали в учебке, нацепил респиратор, проверил – фильтры в порядке. Сделал пару вдохов-выдохов. Нормально. Отдает резиной. Взял автомат с полупустым рожком патронов. Махнул рукой другу – пошли.

Пробираясь между палатками, Миша старался идти бесшумно, чтобы никого не разбудить. Попробуй потом объясни, зачем он ночью надел костюм химзащиты и куда направляется. Без происшествий добрались до южных гермоворот. Здесь никого не было. В отделении еле слышно потрескивал костер дозорного из южного туннеля. Миша помнил: пост на отметке пятидесяти метров от станции. Если действовать тихо – никто не заметит. Все палатки стояли у северных туннелей на платформе, туннели здесь были перекрыты, гермоворотами с этой стороны не пользовались, так как они выходили прямо к Царицынскому парку, буйно разросшемуся и добравшемуся уже практически до подземных вестибюлей, ведущих к станции.

- Ты уверен? – спросил Колька, хотя ответ знал заранее.

Миша кивнул. Слов не требовалось.

Они налегли на рычаг гермозатвора, тот нехотя поддался. Двигаясь быстро, чтобы никто не заметил, Миша перевалился через наполовину открытую створку. Выпрямился, огляделся. За спиной скрипнули, закрываясь, ворота. Он вспомнил наставления Кольки: «Тихонько стукнешь – три раза, пауза, два раза, пауза и опять три. Все понял? Я буду ждать у ворот, ты обещаешь недолго». Хороший друг Колька – рискует получить, а все равно помогает в его аванюре.

Ступеньки эскалатора не внушали доверия: где-то обвалились, где-то истлели и прожавели. Осторожно ступая, чтобы не провалиться, Миша начал свой путь вверх.

* * *

Колька был младше Миши на два года. Сейчас ему стукнуло семнадцать, самый подходящий возраст для приключений. Его отец – один из первых сталкеров – постоянно выходил на поверхность за инструментами, дровами и прочими полезными вещами, которые можно найти поблизости от метро в супермаркетах или бывших жилых помещениях. Когда Миша рассказал Кольке о своем плане, тот сомневался недолго – жажда приключений, присущая молодому организму, сыграла свою роль. Сначала Колька пытался отговорить друга, но когда Миша со всей серьезностью заявил, что выйдет на поверхность в любом случае, в костюме химзащиты или без него, согласился помочь. Ночью, когда все, кроме дозорных, спали, Колька взял химзащиту и респиратор отца и прокрался к Мише.

Из карты района Орехово-Борисово Северное, позаимствованной у Игоря Владимировича, и со слов некоторых жителей станции Миша знал, что дом 41 по улице Шипиловский проезд находится совсем недалеко от вестибюля метро Орехово – на выходе повернуть налево и по прямой метров двести. Этот дом должен был быть и его домом, где бы он жил вместе с мамой и папой, если бы не страшная война, уничтожившая цивилизованную жизнь.

Миша часто задавался вопросом, как это – жить в многоэтажном доме, иметь собственную квартиру, ходить по земле, не опасаясь мутантов и новых монстров, властвующих сейчас на поверхности. Он хотел больше знать о своем отце, своей семье. И тогда он решился – ночью, когда все будут спать, он выйдет наверх, чтобы навестить дом родителей, который так и не успел стать родным для него самого.

* * *

Жизнь шла своим чередом, гонимая туннельными сквозняками, прячущаяся под землей от радиации и невиданных созданий, перевернувших с ног на голову все представления об эволюции. Она упорно цеплялась за сбойки и коллекторы, тубинги многочисленных туннелей, тупики и платформы станций. Человек был вынужден терпеть, приспосабливаться к новым условиям, потому что другого выхода нет. Мир в прежнем виде перестал существовать за несколько часов. Все, что возводилось сотни лет, лежало в руинах, все культурные ценности, накопленные за огромный срок, были повержены. Те крохи, что человек унес с собой в метро, новую колыбель жизни, едва позволяли людям не переступить ту грань, что всегда отличала человека от животного.

Говорили, что на некоторых станциях имелись даже школы и детские сады, уроки, строгие учителя и воспитатели. Но перегон Орехово-Красногвардейская был отрезан от остального метро – на севере гермоворота перекрывали туннели от затопленной грунтовыми водами станции Царицыно. Что на Кантемировской и дальше – никто не знал наверняка. Некоторые говорили, что в районе Каширской упала боеголовка и от радиации можно свариться, ну а от Коломенской до Автозаводской метро проходило по поверхности, так что путь в любом случае отрезан.

Связь с другими станциями метро была случайной и редкой. Иногда забредали сталкеры, пытались наладить контакт даже торговцы с Севастопольской и Печатников, но, увидев, что на Орехово поживиться особо нечем, уходили обратно. Они приносили разные слухи, иногда противоречивые – про войну Красной ветки с Ганзой, про каких-то сектантов, роющих туннель вниз, в самую преисподнюю, про эпидемии чумы на Римской и Авиа-моторной, про мутантов Смоленской и Арбатской и неизвестно откуда взявшихся «черных» в метро, способных влиять на психику людей. А в остальном – у всех хватало своих забот, и станция Орехово, кроме самих ее жителей, никому не была нужна.

* * *

Миша с Колькой часто спорили по поводу войны, основываясь на учебнике истории, который они брали почитать у Нины Ивановны. Миша горячился:

– Войны разные могут быть. Вот раньше войны были справедливее, не было оружия массового поражения, встречались люди в поле и с помощью мечей решали, кто сильнее.

– Ага, – возражал Колька, – или с помощью численного преимущества. Понимаешь, оружие – это всего лишь предмет, способ показать силу. А человек остается человеком. В его душе, в самой глубине, закопаны звериные инстинкты, и когда слетает этот легкий налет цивили-ли-зо-ван-нос-ти, – Колька всегда старательно и с презрением выговаривал это слово, – обнажается все то, что человек прячет в себе, и он превращается в зверя и крушит все на своем пути, пока не встретит более сильного противника, который одержит над ним верх.

– Ну, по крайней мере, раньше войны ограничивались территорией и любая империя рано или поздно разваливалась. В любом случае, всегда можно было договориться, прекратить воевать, объявить перемирие, сдаться, наконец, чтобы остановить кровопролитие. А

сейчас и договариваться-то не с кем, да и воевать тоже – ничего уже нет. Раньше в войнах хотя бы выбор был...

– Тут ты прав, не поспоришь. А все потому, что человек не умеет остановиться, ему обязательно надо погреметь оружием перед носом другого, показать кулак, свое превосходство и силу. Так уж мы устроены, – Колька вздохнул.

– Насчет всех не уверен. Я верю, что не все люди такие. Просто в определенный момент в определенном месте у власти оказались больные на голову люди, которые, понимая всю ответственность и масштабы возможной трагедии, тем не менее, разом покончили с миром. И полетело...

– Говорят, не мы первыми начали?

– Да это уже неважно, мы или кто-то другой. Прошлого ведь не вернешь. Да и будущего теперь может не быть.

– А вот ты бы что сделал? – Колька заглянул в глаза другу. – Допустим, ты управляешь своей страной, на тебя летят сотни ядерных боеголовок – зная об этом, как бы ты поступил? Ответил бы тем же, выпустив свои ракеты?!

– Не знаю, – честно ответил Миша.

* * *

Глаза быстро привыкли к темноте – она была верным спутником жителей подземки. Мрак на станции рассеивали только факелы и костры, разве что фермы освещались хорошо. Миша внимательно посмотрел наверх – вроде бы все тихо. Движения никакого нет. Сердце ухало в груди – казалось, стены вокруг вибрировали от его громкого стука. Миша постоял, прислушиваясь, закрыл глаза, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Вроде немного успокоился. Сделал первый шаг. Эскалатор закрипел под его весом, но выдержал. Осторожно продвигаясь, перешагивая провалившиеся ступени и дыры и держась за поручни, Миша лез наверх. Наконец, спустя целую вечность, достиг последней ступени небольшого эскалатора. Ладони и лицо взмокли, респиратор неприятно стягивал кожу. Миша осмотрелся.

Всюду царил запустение – мусор, толстым слоем покрывавший пол, сухие ветви, истлевшие тряпки и труха, бетонное крошево осыпающихся стен, мятые железные блоки банкоматов. Под ногами хрустнуло. Миша наклонился, взгляделся. Пол вперемешку с мусором был усыпан человеческими костями. «Сколько же их здесь погибло, пытаюсь попасть вниз за спасительные створки гермоворот?» Внутри Миши что-то сжалось, заскребло. «А может, здесь и не только человеческие кости», – подумал он, заметив большой странный продолговатый череп у стены с несколькими рядами хорошо уцелевших зубов. Миша поежился. Над эскалатором был ряд литых бронзовых скульптур – какие-то мужчины, женщины, дети и животные среди деревьев и листвы.

«Времени не так много», – сказал сам себе Миша, – пора двигаться». Он сделал шаг в сторону выхода...

* * *

...и в этот момент тварь прыгнула.

Инстинкты сработали, Миша в самый последний момент дернулся, успел откатиться в сторону. Острые когти резанули по плечу, разрывая ткань комбинезона, оставляя кровоточащие отметины. Миша резко развернулся, протянул руку, чтобы сдернуть с плеча АК-74, и... Автомата на плече не было. Миша с глупым выражением лица уставился на руку, где еще совсем недавно висело оружие. Перевел взгляд на чудовище. АК лежал в трех метрах